

Глава 23. А мне в радость

Гуанпин-цзюнь побагровел, едва сдерживая клокочущую ярость. Ткнув в сторону юноши дрожащим пальцем, он прорычал:

— Пользуешься тем, что силой не обделен, и уже ни во что не ставишь наставников?!

— Не смею, — отозвался тот, — однако полагаю, что старшим надлежит быть примером для учеников. Раз наставник пустил в ход энергию меча, я лишь счел должным последовать его примеру.

— Ты смеешь меня поучать?!

— И в мыслях не было.

Янь Цэ отвечал с ледяным достоинством, не выказывая ни смирения, ни дерзости, но каждое его слово лишь сильнее распаляло Гуанпин-цзюня.

— Ты возомнил, что раз был старшим молодым господином клана Сюаньюань, то можешь попирать приличия?! — зашелся в крике наставник. — Твой клан давно стерт в пыль, а будь они живы — все равно остались бы лишь...

— Гуанпин-цзюнь! — резкий окрик оборвал его на полуслове.

Наставник, не успев остыть, уже собирался обрушить гнев на помеху, но, увидев Вэньшу-цзюня, осекся и нехотя проглотил брань. На его лице, еще минуту назад багровом, проступило явное замешательство.

Вэньшу-цзюнь скользнул взглядом по застывшему в почтительном, но холодном поклоне Янь Цэ, после чего обратился к коллеге:

— Что же так вывело вас из себя?

Гуанпин-цзюнь принялся пересказывать случившееся, щедро приправляя историю красками. Вэньшу-цзюнь выслушал его вполуха, после чего спокойно заметил:

— Ученик проявил невежество — что же, он заслуживает кары. Но стоит ли из-за подобных пустяков терять лицо перед воспитанниками?

Явный упрек в голосе заставил Гуанпин-цзюня помрачнеть, однако спорить он не решился:

— Ваша правда, Вэньшу-цзюнь.

Тот вновь повернулся к Янь Цэ и произнес сурово:

— Проявить неуважение к старшему — дерзость непростительная. Назначаю тебе тридцать ударов плетью в Зале наказаний и три дня затворничества на Скале Созерцания. Гуанпин-цзюнь, вы находите это решение справедливым?

— Пусть будет так, — нехотя буркнул тот. Хотя на его занятиях другие наставники не имели права распоряжаться чужими судьбами, положение Вэньшу-цзюня было слишком высоко. Гуанпин-цзюню оставалось лишь смириться с тем, что его полномочия бесцеремонно прибрали к рукам.

Янь Цэ выслушал приговор, не дрогнув. Его красивое лицо осталось непроницаемым. С безупречным изяществом он отвесил поклон:

— Ученик принимает кару.

Развернувшись, он зашагал прочь с такой легкой и свободной походкой, будто отправлялся на прогулку, а не на экзекуцию.

Лу И, до этого момента пребывавший в легком ступоре, наконец опомнился. Он прекрасно видел, что Янь Цэ вызвал наставника на «состязание» только ради того, чтобы отвести удар от него самого. Но почему? Пусть они вместе выжили на Кладбище мечей злых святых, их едва ли можно было назвать друзьями. Зачем Янь Цэ так рисковать?

Вопрос терзал его, не давая покоя. Только когда фигура Янь Цэ почти скрылась из виду, Лу И сообразил, что пора действовать. Но стоило ему сделать шаг, как он поймал предостерегающий взгляд Вэньшу-цзюня. Тот не произнес ни слова, но во взоре читалось отчетливое: «Не смей встревать».

Будь Лу И покладистым учеником, он бы промолчал. Но покладистость и Лу И — вещи несовместимые. Проигнорировав предупреждение, он выпалил:

— Наставник, я считаю это несправедливым!

— И в чем же несправедливость? Он дерзил старшему, совершил проступок — или ты считаешь его правым?

— Я не об этом.

— Тогда о чем же?!

— Янь Цэ заслуживает наказания за свою дерзость, это верно. Но ведь всё началось из-за меня. Если он пострадает один, это будет бесчестно. Позвольте мне разделить с ним кару — так будет правильно.

При этих словах Янь Цэ обернулся. На его ледяном лице не дрогнул ни один мускул, но во взгляде, казалось, отразились тысячи невысказанных слов.

Лу И встретился с ним глазами, и внезапно почувствовал себя так неловко под этим пристальным взглядом, что поспешил отвернуться. Снова склонившись перед наставниками, он твердо повторил:

— Ученик желает понести наказание вместе с Янь Цэ. Прошу вашего дозволения.

Гуанпин-цзюнь, и без того точивший на парня зуб, с радостью ухватился за возможность поквитаться, раз уж Вэньшу-цзюнь больше не мешал.

— Раз уж вы такие неразлейвода, — злорадно усмехнулся он, — идите оба. Тридцать ударов плетью и три дня на Скале Созерцания. Что скажете, Вэньшу-цзюнь?

— Раз вы так решили, — коротко бросил тот.

Лу И, вопреки ожиданиям, почти радостно бросился догонять Янь Цэ. Тот лишь слегка поджал губы — то ли в попытке скрыть усмешку, то ли от раздражения.

— Придурок, — бросил он, когда Лу И поравнялся с ним.

— А мне в радость, — огрызнулся Лу И.

Они честно вытерпели по тридцать ударов плетью, после чего распорядитель из Зала наказаний проводил их на Скалу Созерцания, что на задних склонах горы Цзинсюй.

Места там были дикие и неприветливые. Сама скала нависала над пропастью, а для пущего назидания вокруг нее воздвигли барьеры, подавляющие любые чары. Мечи у них отобрали, так что даже техникой полета воспользоваться было невозможно.

Как только надзиратель скрылся из виду, оставив их в полнейшей глуши, Лу И почувствовал, как наваливается неловкость. Чтобы не молчать, он принялся с нарочитым интересом разглядывать скудный пейзаж, делая вид, что в восторге от голых камней. Янь Цэ, вопреки обыкновению, заговорил первым:

— Зачем ты напросился?

— Сказал же — мне в охотку.

— Думаешь, я за тебя заступился?

— Ну, я просто решил, что...

— Мечтать вредно.

— Эй!

— Мне просто не понравилось, что он оскорбляет мой меч. Ты тут ни при чем.

— Да не распинайся ты так, — Лу И закатил глаза. — Я не страдаю излишней мнительностью и не собираюсь воображать невесть что.

Он помолчал, глядя на то, как небо окрашивается багрянцем заката, и добавил уже тише:

— Я пришел, потому что действительно считаю, что виноват в случившемся. И по какой бы причине ты ни влез в спор, для меня это ничего не меняет. Я не мог остаться в стороне.

—...

— Так что, даже если ты сделал это не ради меня... всё равно спасибо.

Лу И улыбнулся — открыто и ярко на фоне вечерней зари. Янь Цэ посмотрел на него, невольно сжимая кулаки, взгляд его на миг затуманился. Резко поднявшись, он направился вглубь пещеры, бросив через плечо:

— Не нужно.

Лу И лишь усмехнулся. В пещеру он заходить не стал, так и просидел снаружи всю ночь, подставив лицо холодному горному ветру.

<http://bllate.org/book/17458/1696245>